

Калыханка
пьеса-чаепитие

Действующие лица:

Матвей, около 30 лет
Наташа, тоже около 30
Отец Наташи
Мать Наташи

Место и время действия:

Январь 2021 года, кухня в Петербурге – на столе чашки, печеньки, всё такое
Январь 2022 года, кухня в Минске – разговор в Zoom

Январь 2022, Минск

О: Сейчас, что сейчас... Вы же видите, всех сажают. Он мстительный, и всех, кто где-то там засветился – всех. Студентов вот по новой начали сажать. А суды у нас такие – что прокурор запросил, то они и дают. Суда у нас нет, это все...

М: судилище

О: судилище, да. А народ, ну в принципе, молчит. Он же предложил 500 рублей белорусских платить тем, кто ему помогает. В нашем доме тоже есть которые докладывают. Так мало того – родители на детей вызывали милицию, что они там собирались. Сроки, видите какие дают – 18 лет, 16 лет. Там...убил двоих за сигарету – ему дали 20 лет, и этим столько же – за что им дают, по каким статьям – вообще не понятно.

Январь 2021, Санкт-Петербург

МАТВЕЙ. Да ладно, у меня вроде нет таких знакомых...

НАТАША. Ну, у меня очень много...

МАТВЕЙ. Ну, скажем так: нет никого, у кого нет кого-то с таким опытом.

НАТАША. Ну хорошо...

МАТВЕЙ. Ну прости, просто иначе получается, что там уже все сидели поголовно

НАТАША. Ну, окей...говори

МАТВЕЙ. Извини-извини.

НАТАША. Да говори-говори

МАТВЕЙ. да ты говори!

НАТАША. Ну в общем, да. В начале я постоянно обновляла эти новости, читала 5 каналов, где в принципе дублируется информация, и это еще больше вызывало вот такую тревогу, как будто это умножалось. А с другой стороны было такое воодушевление какое-то, казалось, что это быстро сейчас всё пройдет, и всё изменится, и какая-то гордость была за страну, потому что ты никогда не ожидал, что настолько сплоченными могут быть люди, потому что все время был такой стереотип в голове, что беларусы тихие, они как бы... привыкли к тому, что ничего не поменяют. Ну, не в первый раз же эти протесты. Но каждый раз это загибалось через пару дней. У нас проходил фестиваль ежегодный, «день воли» он назывался, и там всё время огораживали территорию, куча полиции, ну и только там можно было доставать вот эти флаги бело-красно-белые. А тут люди просто по городу гуляют... по пешеходным улицам... И какая-то в этом такая свобода и романтика была, что ты такой «вау, блин, это супер-круто».

МАТВЕЙ. Ну не знаю, у меня вот как-то этого оптимизма и не было. От этого мне всегда очень неловко обсуждать эту ситуацию...особенно с беларусами. Ну и вообще неловко, потому что...ммм...ну, всё плохо. Оно не будет хорошо. Даже если всё закончится условно хорошо и Лукашенко вот сейчас благодаря этим митингам...хотя уже не особо похоже, но дай бог, если получится, что люди будут дальше выходить и выходить, и он если все-таки в этом процессе уйдет, или умрет, или что-нибудь с ним случится – ну когда-то же это произойдет, он же не вечный...И вот когда это произойдет, то все равно же кризис экономический никуда не денется, и политический никуда не денется. И все те же люди, которые выходят, они будут мучительно думать «а что нам шас делать», Ну то есть все как бы плохо, поэтому оптимизм...радость такая...горькая. Да, ты видишь эту сплоченность, консолидацию, но одновременно видишь, куда это все катится, и понимаешь, что получают по шее самые лучшие. Это очень печально. И мне от этого...Вот мы даже стояли в очереди в посольство, чтобы проголосовать, так и не проголосовали, весь день стояли. И вот ты в очереди, и все такие «дааа! да мы!»». А ты такой стоишь и просто язык не поворачивается сказать «да, мы победим! мы всех порвем! все будет круто!» Да хуево все будет. И мне так от самого себя противно, что я так чувствую, но ничего не могу с этим поделать. Потому что я буду врать, если скажу, что да, вот сейчас мы там прорвемся...как-то это...бе.

НАТАША. Меня очень вдохновляет вот эта волна, и я писала диплом по комьюнити-арт, и когда я увидела, как люди сами объединяются, делают

какие-то творческие акции, дворами собираются, смотрят мультики, готовят пироги. Мои родители очень активно включились вот в эти протестные акции, и, с одной стороны, ты очень гордился за них, а с другой было очень страшно, когда они просто час не отвечают. Мы там договорились, что если они идут на акцию, то они должны написать «я гуляю», потом «я дома».

МАТВЕЙ. Они реально большие молодцы. Потому что мои, например...ну у моей мамы были проблемы с этим режимом, и есть до сих пор...Есть какие-то долги перед государством, которые никогда не доотдать, ну и...Брат у меня ходил тоже, но так, скорее, в стороне постоять-посмотреть. Была битва за подъезд, я знаю точно. Кто-то нарисовал флаг бело-красно-белый внутри подъезда. Потом пришла соседка, привела какого-то чувака из коммунальной службы, он это дело закрасил. А потом мой брат под покровом ночи делал вид, что собачку выгуливает, а сам восстанавливал эту штуку и потом еще дорисовал собачку, которая держит этот флаг

НАТАША. А мои..., Самое интересное, что они дико боялись коронавируса и вот изолировались прям по максимуму. И когда начались протесты, они ходили на эти акции, и забывали про то, что они боятся коронавируса...и мама там с букетом болезней вдруг ощущала себя важной и нужной и прыгала там, в ней столько энергии было, она рисовала плакаты...ну она художник, но она не брала в руки ни кисти, ничего уже лет 40. И тут ей вот как-то это всё придало смысл. Потому что вот папа и мама – пенсионеры, и тут они почувствовали, что они тоже могут как-то влиять, высказывать свое мнение, и молодежь их воспринимает, помогает, и они могут помогать. Они там приматывали тоже какие-то антисептики и бинты к перилам, когда был вот самый треш, папа ходил дежурил, чтобы дверь в подъезд была открыта для тех, кто от омона убегал...

МАТВЕЙ. Классная была тема, там какая-то девушка, у которой парня забрали и она за папу твоего зацепилась

НАТАША. А, да, папа когда ходил во время протестов по районам, к нему подбежала какая-то девушка, вся в слезах, вот «моего парня забрали, я думаю, что сейчас меня тоже, можно я с вами пойду?» А папа у меня такой представительный, внушительный, с усами такой сказал «да-да, конечно» и...вдруг он тоже почувствовал себя каким-то мужественным, возможно...ну человеком, который может как-то защитить другого человека.

Январь 2022, Минск

О: ей было не очень хорошо, я один ходил. И там такой погром был – ОМОНовцы бьют – страшно, и я шел по парку недалеко от дома, и вот они гоняли ребят. И за мной бежала девушка, лет 25, может, говорит:

“Дедушка, выведи меня, я боюсь”, и вот я ее как родную внучку выводил. И в это время бежит ее парень, и его ловят и так дубасят – это страшно как они его избивали, и в то же время я ей говорю: ты не смотри сильно, не доставай мобильник, иначе нас сразу того-этого, она говорит “это мой парень!”, я говорю “ну что сделаешь, ничего мы сейчас не сделаем”. Ее колотило бедную страшно, она потом такое спасибо говорила, перепуганная страшно

М: Он пришел, рассказывал мне это, а я думаю, я бы не смолчала там, не смогла бы молчать

О: они его избили и потом забрали. Тем более у него ни флага не было, ничего. Он просто убежал от них

М: они на него как на зверя, со всех сторон

—

Январь 2021, Санкт-Петербург

НАТАША. У нас каждый созвон начинается с «Живе Беларусь!» и заканчивается тоже этим. И тоже смешно, что мама все время была довольно аполитичной, и она очень злилась, когда папа начинал разговоры о политике. То есть она все время «всё, всё, дай нам нормально поговорить, достал ты уже со своим лукашенко». То есть всегда было противостояние, что маме это неинтересно и она боялась, что там прослушка и все такое, и надо разговаривать только о котиках и погоде. А тут просто час можно всем вместе говорить о ситуации, еще брат им помог установить телеграм. И вот кстати они в первый раз на новый год не смотрели телевизор, а смотрели Ютуб и вот эти протестные новогодние огоньки.

МАТВЕЙ. Я вообще никогда не планировал идти на акции протеста, потому что... да я думаю просто страшно. Потому что даже если...короче, не знаю, просто опасно, бессмысленно, грустно, страшно, вот это всё вместе. А тут так получилось, что ты тупо стоял в очереди в посольство, чтоб проголосовать, и потом вся эта очередь превратилась в акцию. Вот ровно в 20 часов – хлоп, и ты вдруг понимаешь, что ты тут уже весь день стоишь и ты искренне возмущен тем, что произошло. И потом мы и на другой день пришли туда.

НАТАША. Там все понимали, что они не проголосуют. Уже часа в 3 ты понимал, что не дойдешь до туда. И очередь все равно стояла, никуда не уходила, то есть все эти 3000 человек стояли под солнцепеком, периодически там люди приходили с тележками по типу «кому воды, зонтики»

МАТВЕЙ. не продавали, просто кто-то позаботился

НАТАША. Да-да. Закупали и просто отдавали. И вот это тоже какое-то единение... блин, оказывается, что человек человеку человек, и вау, оказывается, все могут стоять в очереди и не беситься и поддерживать друг друга.

МАТВЕЙ. Не знаю, я на самом деле в таком напряжении от этих информационных войн. Первый час они вызывали раздражение, потому что мне казалось, ну типа «кому нужно, чтобы я видел, что все такие добрые?». Просто ты тупо никому не доверяешь. А потом вот мы на следующий день пошли туда, просто в знак протеста постоять... мы даже какой-то плакатик нарисовали...

НАТАША. Не в первый, по-моему день... ну в начале мы просто приходили туда... на такие... встречи возле посольства, где люди инициировали сбор подписей и всё такое... и на какой-то день мы да, решили нарисовать плакаты..

МАТВЕЙ. Они были похожи на детские рисунки на фоне окружающих плакатиков... Но была очень странная вещь, потому что в момент, когда ты там уже находишься и как бы откровенно участвуешь вот в этом... выражаешь то, что ты не согласен – тебе не страшно. Страшно, когда ты сидишь дома и об этом думаешь и новости читаешь. Это для меня было большим открытием. Ну дальше там уже вопросы просто про то, насколько технично выражен твой протест, и причем смысл этого абсолютно не имеет отношения к тому, что ты чувствуешь. То есть... я не верю в то, что этот протест имеет какой-то практический прикладной смысл. Но мне самому даже физически становится легче от того, что я там...

Вскипел чайник. Матвей встает заварить чай.

МАТВЕЙ. У нас есть черный обычный, зеленый с жасмином, «масала» и...

НАТАША. Вот давай её, она прям вкусная.

И мы в общем ходили так, мне кажется, неделю или больше даже, и потом стало возникать ощущение, будто бы это покупка индulgенции. Тебе там хорошо, ты чувствуешь, что вот ты тоже вносишь какой-то вклад в изменения в Беларуси...

МАТВЕЙ. Нормас? (*про количество чая в чайнике*)

НАТАША. Да. И... чувствуешь себя таким революционером, вот ты тоже выразил позицию свою, ты был с этими людьми вместе. Но это никак не влияло на то, что в это же время оказывались в тюрьме твои знакомые.

МАТВЕЙ. Пусть немного настоится пока

НАТАША. А там еще была история...кто-то придумал петь песню "Калыханка" на этих акциях. Ну наша национальная песня, только там слова "вачанятка зачиняй", т.е. "глаза закрывай" меняли на "глаза открывай". А у меня брат живет в Германии, он тоже выходил на акции в Мюнхене, но быстро перестал, потому что почувствовал, что это какая-то...странная история. И он потом мне сказал: я не понимаю, почему вы пели эту песню. Там людей пытаются-убивают, а вы поете Калыханку.

МАТВЕЙ. Ну да, что типа она идейно противоположна протесту. Критика критики.

НАТАША. Да. И плюс тоже есть такая полярность в обществе, что те, кто нейтрально...ну не нейтрально – они конечно же болеют за всю эту ситуацию, но они не выходят на протесты, никак не озвучивают свою позицию в соц.сетях – и как будто бы они сразу же поддерживают всё происходящее.

МАТВЕЙ. Вот тоже с аватарками тема такая – она напряжная очень...Как будто не поменял – и всё, ты уже под подозрением

НАТАША. Да, и их начинают очень сильно прессовать и критиковать внутри одного сообщества и даже внутри одной семьи, хотя казалось бы, мы все единых взглядов – вот я там сходила спеть песню, но «нет, ты все равно сделала недостаточно, сделала не то...»

МАТВЕЙ. Ну это логично. Это всё естественно, потому что никогда не было никаких естественных процессов политических, а политика – это как раз про выяснение позиции – никогда такого не было, был только один чувак наверху, и сейчас всех объединяет только ненависть к нему – но когда чувак свалит – всем придется учиться общаться.

НАТАША. А еще вот родители всегда говорили «воот, так жалко, что вы не приезжаете, когда вы приедете?» – ...а тут мы на новый год думали поехать, и родители такие: «нет, зачем вам? не надо. не приезжайте». И это был тоже такой шок, потому что...ты понимаешь, что если бы ты был там, а с моим характером...я довольно вспыльчивая и я...

Ну там, когда мы жили в Беларуси и еще до 2010 года я говорила только на белорусском, и была супер-протестной,

МАТВЕЙ. Мы познакомились гораздо позже

НАТАША. и я понимаю, что да, если бы я оказалась там, у меня возможно тоже был бы этот опыт тюрьмы...и это страшно. В любом случае я бы выходила с родителями, но...ты чувствуешь себя вот таким немного предателем, потому что ты говоришь «да, я бы выходил!», но находишься в

России. И выходил попеть песню, где безопасно, и где никто тебя не заберет в автозак.

МАТВЕЙ. Не знаю, у меня вообще есть противное ощущение...я не мог бы поручиться, что если б я был там...да нет, наверное бы выходил, просто потому, что там такое состояние эмоциональное от всего...Ну это странная такая тема, что «эй, вы там, давайте, дерзайте», а мы тут как бы думаем куда еще свалить – это какое-то лицемерие, но при этом искренне сочувствуешь, переживаешь, и понимаешь, что блин хреново...Как-то не получается найти внутри самого себя какую-то нормальную позицию, ты как будто бы без идентификации. Ты как будто никто...

НАТАША. Мы очень часто это обсуждаем и иногда есть вот эта наэлектризованность... у нас очень разное восприятие протестов и вот этих новостей...То есть я там начинаю бухтеть и романтизировать это всё, а Матвей наоборот такой очень рассудочный, и меня это начинает бесить

МАТВЕЙ. Почему рассудочный, я что сейчас рассудком говорю?

НАТАША. Потому что мне хочется рвать и метать, или как папа однажды после протеста такой: «хочется дать кому-то в морду»! И когда вот сейчас начались протесты в России... с одной стороны мы уже давно не живем в Беларуси, но когда мы выезжаем куда-то за границу, и нас спрашивают «вы откуда», мы отвечаем «ну мы из Питера, но мы - белорусы!».

МАТВЕЙ. в принципе, я говорю по-русски, у меня родной язык русский, белорусский я уже в лицее выучил, попозже, но при этом я понимаю, что по всем своим «ну, мэ, у...» – вот по всем своим каким-то ментальным проявлениям я скорее белорус, и я себя в общем-то так и определяю. И получается что-то по серединке, ни тудэма, ни сюдэма. То есть уже и с Беларусью себя соотнести не можешь, и здесь нам за Навального выходить как-то странно. И вроде выходить - правильно, потому что понимаешь, что и тут бандит - не он. Но мы даже по закону не имеем права этого делать, потому что мы иностранцы.

НАТАША. и чувствуешь себя тоже ужасно, потому что ты уже вроде как 7 лет живешь в России, и тебя касается напрямую то, что здесь происходит. Потому что касается твоей работы, твоих друзей, твоих близких...и ты такой «а я не могу...если я выйду, меня арестуют - я не отделаюсь штрафом, меня просто депортируют»...

Январь 2022, Минск

М: почему это все получилось – потому что новое поколение сейчас по-новому смотрит на это всё. И это ж молодежь поднялась, выходили в основном они. И мы с ними. Просто хочется, что молодежь жила лучше. О: и 26 лет...это же всё уже надоело. Мы живем с протянутой рукой. Тут начинают кричать “дворы забиты машинами!” - даром, что это машины, которые за границей давно уже выбросили.

М: да, сказать больше нечего, поэтому и говорят так

О: ну просто народ...хотели поменять, хотели жить другой жизнью. Тем более в наше время, когда мы жили – нас же не выпускали за границу, а сейчас ваше поколение поехало, там есть совершенно другая жизнь. Ну и мы были тоже за границей, мы видели как там пенсионеры те же живут и улыбаются. Идешь утром по Германии – с тобой здороваются. У нас же идут – голову опустят...

М: даже вот с самолета вышли, и потом в метро сели, и я говорю “Паша, посмотри какой контраст”. Ни одной улыбки. Задумчивые, хмурые..

—

Январь 2021, Санкт-Петербург

МАТВЕЙ. Мне тут книжку Ната подарила на Новый год, «Знакомьтесь, диктатура», детская такая. Просто про нашу жизнь. Они пишут «представляете, вот так бывает где -то далеко...»,

НАТАША. Да-да, а ты такой читаешь и «о, господи»

МАТВЕЙ. И ты понимаешь, что вроде как всё вот это – из-за того, что ты...ну хер пойми...Ну, возможно, в том числе и из-за того, что ты не участвуешь в этих протестах. Но при этом ты не можешь себя туда отправить, потому что ты сидишь и не можешь со своими вопросами разобраться. Если ты выйдешь - получишь дубинкой по яйцам – кому это поможет? Потому что и так ничего не поменяется. В истории России с Грозного постоянно кто-то получал по морде, и в лучшем случае уезжал на философском пароходе, и как бы попытка покричать о чем-то...ну..короче какой-то пессимизм сраный.

НАТАША. По-моему после 2010-го там были тоже протесты..

МАТВЕЙ. В 2011м, кажется...

НАТАША. По-моему 2010й был все-таки...И вот я тогда училась на 3 курсе на социолога, и нас отправили на электоральное исследование. По всей стране. И у нас на руках были как бы реальные данные. И потом объявляют

вот это «86% проголосовало за...» и все такие «эээ»...И потом нас собрали и просто сказали «всех не отчислят...но сделают невыездными – вам это надо?» . И вот тогда же начались очень сильные протесты, и я помню, что родители меня просто закрыли дома. Они закрыли и забрали все ключи. Нельзя было выйти никуда. И после 2010го я такая «всё, я не останусь в этой стране, я уеду».... И я перестала говорить на белорусском, потому что мне настолько было противно, что все прикрывается, и в то же время ты тоже ничего не говоришь, ничего не делаешь, потому что такой «бля, остаться невыездным в Беларуси – это худшее, что может произойти»

МАТВЕЙ. У меня к сожалению даже хуже воспоминания, потому что у нас в лицее было принято быть оппозиционным, там все на белорусском говорили и ты...очень мерзотно себя чувствуешь...

Вот на старшем курсе в Минске у нас был экзамен по танцу. Как раз это был 11й год. И у нас девочка одна собралась выйти на белорусский танец с бело-красно-белой лентой в волосах. А я на нее очень наехал, потому что «ты не одна танцуешь, там танцует весь курс, и хер бы курс, там есть педагоги, которые как бы полностью отвечают за то, как ты выглядишь и что ты делаешь на этом экзамене». То есть выходя с этой бкб-ленточкой, ты должна как минимум согласовать это с теми людьми, которые за это будут получать по шапке. А как только я на нее по этому поводу наехал, пара однокурсников наехали на меня, что я якобы поддерживаю режим, если я так говорю. Хотя блять, не об этом речь. И вот постоянно такая херня. С одной стороны есть вот эти чувства, которые «хочется всех порвать!», с другой стороны – какой смысл? Во-первых, ты а)никого не порвешь – они тебя порвут, б) это не так работает. Есть еще... ответственность за всё это.

НАТАША. Ну вот это интересно, что папа...его как-то очень перемкнуло в какой-то момент, и он ушел в такую депрессию, что типа «блин, это мы, наше поколение допустило, что вот сейчас все так происходит и получают наши дети, внуки за это всё и разгребают это всё дерьмо, потому что мы всё это время молчали. И считали, что, ну, стабильно, зарплату платят, у кого-то там дачи, машины, вроде бы всё неплохо...». Хотя он всегда стоял на стороне оппозиции.

МАТВЕЙ. бухтел на стороне оппозиции

НАТАША. Да. это были разговоры на кухне, и сейчас у него...ну вот его сейчас мотивирует какой-то такой стыд перед поколением, что, блин, мы всё просрали...

МАТВЕЙ. Слушай, ну как просрали...Он родился в Советском Союзе, где вообще никто никогда никуда не выходил. Откуда у него мог быть навык, знание того, что вот ты выйдешь и...Да мы до сих пор не понимаем, выйдешь – и что?

НАТАША. Ну да...И с другой стороны у него тоже есть такая немного даже агрессия в сторону тех, кто поддерживает это все. Он говорит «вот, есть у нас соседи, которые закрывают двери в подъезд, я им говорю «да блин, вы в своем уме? Что у вас в головах? Вы в какой реальности живете?». Или там бабка одна, за 80, и она с тихарями... «тихари» – это люди, которые переодеты в гражданскую форму, но они также участвуют во всех этих побоищах. И вот эта бабка и какой-то тихарь ходят по двору, и фотографируют, если на окнах там есть бкб-снежинки, или одежда висит бело-красно-белая, и потом звонят в квартиру, присылается штраф, и всякое такое. И папа такой «да тебя нужно также расстрелять как эту всю власть!»...

МАТВЕЙ. Это очень удобно – пару таких чуваков снять, показать на видео и как раз все те, кто поддерживают режим еще больше убедятся, что они правы – «все кто в оппозиции - все безумны».

НАТАША. Да, но папа это говорит мне по скайпу, он не говорит это по телевизору

МАТВЕЙ. Да я понимаю, это пример.

НАТАША. А мне очень нравится понятие, которое Перетрухина говорит, «репетиция свободы». Ну, что ты принимаешь позицию другого человека и пытаешься ему рассказать свою позицию. Без вот этого вот перегиба. Потому что у папы, когда шквал эмоций, он «все, кто против нас – всё, вон из страны!»

МАТВЕЙ. У меня сегодня тоже будет репетиция свободы с ребятами. Я как раз писал урок для группы 6-леток... На нервяке писал. И там сюжет такой: таракан-мутант захватил и пытается сожрать планету. И чтобы его победить нужно пойти через лес, там надо сражаться со зверями, в лесу найти грядку, где растет картошка. Нужно ее посадить, вырастить, пожарить, и накормить его до полуобморочного состояния - то есть он не может двигаться, а потом ты его сажаешь в клетку.

НАТАША. А папа еще, так как он на заводе работал, «вот, если бы заводчане продержались в забастовке, всё бы уже закончилось». есть обида какая-то на людей, что «вот блин, что, не могли 2 недели выдержать?» Не дожали. И когда здесь всё всколыхнулось, родители такие «вот, столько людей в России вышло, по всем городам, такие молодцы, вот мы прям за них-за них! и все так мирно прошло...», а в Беларуси сейчас еще тактика дворами ходить, и ходят рано утром и поздно вечером. И в целом не видно вот этой массовости, которая была летом, и у родителей «всёёё... всё сдувается...». Поэтому у них есть какая-то такая идентификация с Россией, что вот классно - если у них будет свобода, то и у нас будет свобода. А у меня ощущение... ну

как бы Россия-то – за свои права, то есть вы как бы тоже, разберитесь ребята сами.

Почему-то сейчас кажется, что протесты, которые были в Украине, они как будто бы были ближе.

МАТВЕЙ. Понятно, что украинские протесты ближе, и грузинские и какие угодно, но когда здесь что-то происходит – у меня ощущение, что это просто битва за шапку мономаха, из-под которой все равно будет ряд пуль вокруг лететь и все равно будет то же самое. Ну, не знаю, я наверное пессимист просто.

НАТАША. Или мы вот сейчас были в Анапе. Просто мы такие «хочется куда-то, где есть солнце и моречко», ...ну, в Крым не поедем, потому что тоже как будто предаешь что-то-то такое... хотя ты не осуждаешь тех людей, которые выбирают ехать в Крым.

МАТВЕЙ. Крым - ваш, если вы хотите.

НАТАША. И мы там в Анапе в баре познакомились с девочкой... Ну обычно поддерживают систему какие-то возрастные люди, которые боятся перемен, потому что они жили при более ужасных временах. И тут мы знакомимся с девочкой, которой будет 19 лет, и она начинает двигать историю что типа «что, Россия – самая худшая страна?» – «Да мы не говорим так...» – «Ну а чем вам Путин не угодил?» – «Ну как бы... а тебе всё нравится?» – «Ну вот все ходят тут с телефонами новыми, на иномарках ездят, а вы говорите. что Путин плохой»

МАТВЕЙ. До этого она нам рассказывала, что ее за это жутко травят на работе, но при этом поменять работу нельзя, потому что ей повезло, что она вообще есть. «вот вы из питера, у вас там развлечения, а у нас тут ничего нет, полный хаос, пусто, работать негде, учиться негде...», а потом «чем вам Путин не нравится?»

НАТАША. Говорит «ну да-да, ну конечно он тратит деньги на вооружение, так если бы не было у нас вооружения, нас бы американцы уже давно запиздили. Ну и мы говорим «то есть вы считаете, что это норма, да, что у вас нет другой работы, что люди получают по 15 тыщ рублей, а цены у вас московские...» – «не, ну а при чем здесь Путин?»

МАТВЕЙ. «Местная администрация – она же тоже ни при чем. Просто есть всякие люди, нехорошие, у которых много денег, и они дают на этих чиновников, они их вынуждают принимать какие-то решения. И что они могут сделать? Они же тоже люди, им надо как-то вот...»

НАТАША. «Да, у них же дети есть...ну да, нужен свой дворец...» Ну и они там тоже про Беларусь что-то «Ну в целом-то у вас там тоже, знаете, дороги нормальные, и чистенько все...», и у меня как обычно слюни-сопли «да людей пытаются, насилуют, убивают!!»

МАТВЕЙ. «Еще пива дайте пожалуйста!»

НАТАША. Еще же хочется не посрать с новыми знакомыми, пытаешься там по типу «у каждого свое мнение» – да блять, как так можно думать!! (апогей) И я там в туалет убежала и просто вдох-выдох вдох-выдох-вдох-выдох, холодной водой умываюсь.

МАТВЕЙ. Понятно, что ситуации совсем разные. Понятно, что и в России и в Беларуси – везде есть бедные люди, но одно дело в Беларуси ты сел в электричку и за 2 часа приехал в Минск и как бы сразу всё видишь, и уже куски города распроданы в Китай под отели, «потому что ДВАРЭЦ. А здесь как бы...мы Дудя смотрели и меня поразила эта история, что в Якутск чтобы попасть надо ехать через какую-то...там нет моста, в общем. В Крым есть, а там нет. Конечно, люди, которые из Якутии смотрят репортаж про Беларусь, что там хорошие дороги, – для них это «пфф! всё, жизнь удалась, дороги сделали! Слава! Слава Ему! Да колосятся его усы!».

Январь 2022, Минск

М: у нас там недалеко новый микрорайон построили, там в основном молодежь живет, дома стоят близко друг напротив друга – все были в БЧБ, буквально каждое окно – так приятно было смотреть, что столько людей...Ну там чувствовалось больше, здесь-то у нас район уже обжитой такой, молодежи меньше, но все равно чувствовалось протестное что-то...

О: в новых дворах вообще там были – чаепития...торты покупали, столы там стоят, всё... у нас было немного поскромнее, конечно.

М: Я сыну говорю “Дима, вот там такое единение, все дружные такие”, он мне: “Мама, от тебя зависит! давай, стол там организуй, ты же печешь там торты, пироги – соберутся люди!” Ну мы не часто пекли, но с фонариками выходили. Это в основном молодежь была, а мы просто с ними. Очень чувствовалось единение, я прям ждала тот день, когда выйти и чтоб с молодежью быть вместе, как-то молодеца душой сама.

О: я её не узнавал, она прыгала как девочка...

Январь 2021, Санкт-Петербург

НАТАША. Еще у нас есть тоже романтизация такая... «Вот, всё рухнет – может быть в Минск вернуться?». Вот есть какая-то мечта, что ты приедешь, и ты там будешь нужен, и у тебя есть классный опыт, и все такие свободные и классные, и мы сможем сделать новую страну. А с другой стороны, вот люди там сражаются, а ты такой «ха, всё рухнуло, можно вернуться, молодцы ребята, класс, хорошо поработали!». «Хотите...сейчас сделаем сайт-специфик проект...»

МАТВЕЙ. «Комьюнити-арт» «Ой, что мы привезли вам из-за границы...»

НАТАША. «Сейчас всю вашу травму переработаем, не волнуемся!».

МАТВЕЙ. Как рукой снимет.

НАТАША. И ну блин, тогда давайте будем честны, ты никакого отношения к тому, что там всё рухнет - не имеешь. Да, ты выходил недельку покупал индulgенцию себе, чтобы чувствовать себя хорошо, но это будет как-то...

*Наташа выкладывает на стол бело-красно-белую пастилу,
Наташа откусывает пастилу.*

НАТАША. У меня наверное в начале было ощущение того, что в России свободнее...

МАТВЕЙ. Да, казалось, так казалось. Я не могу сказать, что я в Беларуси себя чувствовал несвободным, но я просто и не пытался ничего сделать, чтобы ощутить эти ограничения. Я это ощущал экономически. Мы вот уже начали встречаться, но не могли съехаться, потому что вдвоем работали на фулл-тайм-джоб, но на двоих зарабатывали 200 долларов и не могли снять квартиру.

НАТАША. А до того, как мы начали встречаться, я планировала в Польшу уехать, даже начала учить польский. И потом когда мы понимали, что надо чего-то выбирать, чего-то делать, и я говорю «ну окей, на питер я согласна». Петербург как-то отделялся от всей остальной России, что ли...

МАТВЕЙ. Потому что вот мы гуляем по Питеру, и когда какая-то Европообразная улочка – нам уютно. А потом вдруг видишь Неву и становится пипец как страшно, потому что это что-то огромное, какая-то стихия гигантская, которая всеподавляющая какая-то, неподконтрольная и...неродная. То же самое с Невским и со всем городом Москвой. В храм Христа спасителя ты заходишь, и на тебя смотрят где-то сверху и так очень

уничтожительно: типа, ты сейчас загорись просто из-за своих грехов, ничтожество.

НАТАША. Ну и казалось тогда, что вот в Беларуси был какой-то пиздец, а здесь по законам ну еще не так всё тебя сковывает. И первое время казалось, да, вот можно и зарплату нормальную получать, и хотя я работала тогда одна, пока еще Матвей учился, мы могли позволить себе снимать комнату...

МАТВЕЙ. Ты могла позволить нам

НАТАША. Ну нет, твоя мама тоже помогала как-то

МАТВЕЙ. Давай не будем мусировать сейчас эту тему

НАТАША. Ну и потом, через пару лет уже здесь стали подкручивать гайки и ты такой «бляяя, из одного болота в другое, да что ж такое...». Более того, ты ощущаешь здесь себя более уязвимым, потому что ты мигрант. И по идее мы уже 500 раз могли сделать документы-паспорт... Но каждый раз это «ну не, просто ты закончишь универ, и мы уедем.» Потом я уже поступила, ладно, «щас ты закончишь магистратуру - и свалим, сразу свалим.» И вот я уже закончила магистратуру и...

МАТВЕЙ. Да, потом мне нужно было вернуться из Казахстана, где я застрял на полгода из-за короны, и сейчас вот я вернулся и мы такие типа «ну что? че делать будем?»

НАТАША. Опять же, здесь вроде уже какие-то связи-контакты и вроде бы вернуться в Беларусь – понятно, там родители, близкие, и ты понимаешь, что ты там можешь делать, и можешь там быть полезным,

МАТВЕЙ. Ааааа...что ты можешь делать?

НАТАША. Бесплатно.

МАТВЕЙ. Все могу делать! Бесплатно могу делать всё. Документальный инклюзивный иммерсивный перформанс в зуме и вживую

НАТАША. Да, но как будто бы в этом есть поддержка протеста. А как переехать куда-то, куда тебе хочется, для лучшей жизни вот этой, где ты чувствуешь себя человеком, и тебе нормально платят за твою работу, и тебе не надо думать «блин, как бы заплатить за квартиру и к врачу сходить....»?

МАТВЕЙ. Блин, ...ну, во-первых...Например, ты переезжаешь в Италию, где итальянцы долгие годы сражались друг с другом, чтобы сейчас у них не было такой политической ситуации, которая есть у нас. Во-вторых, мы просто с

ними друг друга не будем понимать. К нам в Минск приезжали французы из какого-то маленького частного театра и говорили типа «а вы не хотите сделать спектакль про гомосексуализм?». Мы такие «эээ..», или там «про политическую ситуацию» и мы «тщ-тщ-тщ-тщ-тщ!»

Ну вот как им объяснить, почему это сложно?

НАТАША. Да, я ездила на программу, и мы делали по ее итогам книжку, такой case-study про социально-вовлеченное искусство. И одна девочка рассказывала про резиденцию в Подмосковье, и у них там художники живут и делают там какие-то эко-штуки. И это для всех ребят из других стран типа *(шепотом)* «что здесь такого социально-вовлеченного протестного?» Типа это все уже было 500 лет назад. И ты такой «да блин, ребята, у нас тут... ты делаешь фем-лабораторию и думаешь, ммм, а я иностранный агент? а меня арестуют?

МАТВЕЙ. «А к нам придут казаки с плетками или нет?»

НАТАША. Да, и они даже не понимают этого всего. «Типа что? Почему мы об этом говорим? Это же истина, которую не надо никому доказывать». И это говорят ребята из Мексики, Бразилии, Индии. Не самые мягкие режимы. Блин, а мы только проходим сейчас вот это становление

МАТВЕЙ. А может быть история нелинейная. А может быть у нас не будет ничего такого, просто потому что здесь людям это не нужно... Судя по тому, какое количество людей протестует – может быть всем остальным нормально. Ну то есть хрен пойми как оно будет.

(Долгое молчание)

МАТВЕЙ. *(посматривая на часы)* Мне надо бежать, наверное...

НАТАША. Вот, кстати, интересно еще было, что к посольству приходили люди абсолютно разного возраста и это было так приятно. А потом еще в городе ты так взглядом кого-то выцеплял «ооо, белая ленточка, свои люди».

МАТВЕЙ. это тоже про идентификацию какую-то, которой так адски не хватает, то есть ты такой – и не хоббит, и не гоблин, и не пойми что, вообще, а тут ты идешь по городу, видишь эту белую ленточку и такой «свои идут». Блин, у меня есть «свои»!!

НАТАША. Да, и еще там такая душевность была... То есть там какая-то девушка готовила печенки в виде этого бело-красно-белого флага,

МАТВЕЙ. Очень вкусные, кстати

НАТАША. И ты вот стоишь на улице, довольно холодно уже, или под дождем, и ты стоишь - и тебе там уютно. И время пролетает очень быстро. Ты как будто бы каждый день на какой-то вечерине...

МАТВЕЙ. Так, всё, я правда побежал
(уходит с кухни)

НАТАША. И потом ты начинаешь себя корить. Люди выходят сражаться, а ты пирожок ешь в форме флага. Хотя там мама моя готовила тоже какие-то штуки и ходила угощать во двор всех. Или мы разговариваем, а она такая «всё, не могу-не могу говорить, восемь часов вечера, у нас тут «Перемен» играет», и они с папой бегут с фонариками в окна светить. А они там жили 12 лет – и они никого не знали, они даже соседей в подъезде не знали, и тут вдруг мама там говорит «а вот с этими мы ходим на акции, а вот с теми мы там пироги готовим для протестующих, а эти всегда, каждый день в 8 вечера светят фонариками» – у них там со всеми прям боевые заслуги.

У нас тут приезжала подруга из Минска в Питер. Маша. И она говорит, что там намного легче. В смысле, отсюда всё тяжелее смотрится. То есть ты думаешь «а как вот эти люди там каждый день просыпаются, как они ходят в кафе пить кофе, как они разговаривают о погоде, кошечках и мемасах, как можно, когда рядом происходит вот это всё?». А там это какое-то... ну... просто течение жизни. Да, ты выходишь утром рано на митинг во двор, двором походил, потом пошел на работу, потом встретился с друзьями, попил кофе, сходил в бар, и ну вот...

И мама тоже рассказывает: «мы ходили на акцию, и рядом с нами взрывали свето-шумовые гранаты». И через минуту: «ой, слушай, такой борщ приготовила вкусный». Или ты видишь какие-то видео в телеграм-каналах и понимаешь, что родители были вот тут вот сбоку, и тебя прям ужас берет, а родители говорят, что когда ты там, тебе не так страшно. Потому что ты знаешь, что люди тебе помогут и все равно это не то, что прям рядом, это в нескольких метрах от тебя, громко -да, но не страшно, потому что ты не один-на-один с этим, а с людьми, которые за тебя. Но когда ты смотришь это, начинаешь понимать моменты, когда они тебя не выпускали из дома. Ты находишься здесь и думаешь «ребятки, давайте как-то аккуратнее вы будете выходить, и не лезть в самое пекло»...вдруг вы поменялись местами. Что ты такой взрослый, а родители – протестуны, которые ходят там и выражают свое мнение.

МАТВЕЙ. *(забегает в кухню, целует Н. в щеку, уходит)*
Всё, я убежал, с детьми ловить таракана

НАТАША. И я вот с Машей этой разговариваю, и она все время казалась мне такой оппозиционной. «Вот, она такая вся смелая, и вся такая эмоциональная», а когда ты разговариваешь с ней в баре в Питере, и она

говорит «да тоже страшно. тоже не всегда выходишь. или выходишь, но стараешься быть в середине толпы, потому что обычно арестовывают тех, кто в хвосте или тех, кто в начале. И бывает, идешь и понимаешь, что опа, оказался в конце, и тебя уже не пускают в середину – ну, пожалуй, всё, твой протест на сегодня закончен. 20 минут - достаточно, молодец». Оказывается, она испытывает те же чувства. Да, она живет в Беларуси, говорит на белорусском языке, но ей тоже страшно, и она понимает, что «вот, тут небезопасно, я не пойду дальше, поберегу себя». Мне-то всегда казалось, что если протестовать – то уже надо вот прям рвать рубаху на себе, и всё, французская революция, кучеряхи, флаги, бежишь красиво, пули над головой свистят. Как будто бы если ты протестуешь, ты должен отдаваться этому полностью, а вот это «15 минут я протестую, а тут вот уже не очень безопасно, я пошла» – как будто бы тоже предательство. Но оказывается, что нет.

Январь 2022, Минск

М: Народ запуган. Сейчас все в таком...разочаровании и унынии. скорее всего да.

О: на кухне конечно общаются все дружно

М: ну вот мы действительно, сели вдвоем и такие “что мы можем изменить?” Поддерживаем всем сердцем, но что мы можем изменить, если бы от нас что-то зависело? Опять же, если бы сейчас опять всколыхнулось все, мы бы с удовольствием пошли поддержали...

Мы ходим тут в парк гулять,и, бывает, смотрим на деревья, и я говорю – “Паша, смотри, БЧБ висят ленточки свежие! значит мы еще что-то будем делать!” Продолжение какое-то будет!

(оба смеются)